

В этот выходной Гу Чжао не нужно было идти в академию.

Казалось бы, самое время отоспаться, но привычка — вторая натура: Гу Чжао открыл глаза точно в срок. Впрочем, выбираться из-под теплого одеяла он не спешил. Весь утренний час он провел, обнимая своего Чжоучжоу, ластился к нему и нежничал, пока между ними не пробежала та самая искра, от которой у обоих перехватило дыхание. Супруги замерли в нерешительности.

С одной стороны — поддаться искушению, но тогда все дела на сегодня пойдут прахом. С другой — Ли Чжоучжоу было до боли жалко томить мужа воздержанием.

— Встаем, встаем, встаем, — Гу Чжао первым разомкнул объятия и нехотя убрал руки с талии супруга. — Оставим это на вечер, а сейчас мне нужно срочно охладить пыл.

Ли Чжоучжоу, чей румянец залил всё лицо до самых ушей, тоже чувствовал небывалое томление, но спорить не стал.

Кое-как справившись с чувствами, они поднялись. Сегодня Гу Чжао решил не надевать ученическую мантию, а переодеться в рабочую одежду — шухэ. Однако стоило ему натянуть старую куртку, как стало ясно: рукава короткие, а штанины едва закрывают лодыжки.

— Чжоучжоу, есть что-нибудь побольше? Может, твои вещи, которые ты носил лет в восемнадцать-девятнадцать, мне подойдут? — спросил он, безуспешно пытаясь свести лопатки.

Ли Чжоучжоу посмотрел на него и просиял:

— Похоже, ты снова немного вытянулся, муженек.

— В росте, может, и не сильно прибавил, но в плечах точно раздался, — Гу Чжао с трудом стянул с себя тесную одежду. — Пока стоял — вроде ничего, а как завязал пояса, так и дышать не могу, не то что руками махать. Того и гляди по швам треснет.

Ли Чжоучжоу достал свою старую куртку и штаны. На этот раз одежда села идеально.

— Вот теперь хорошо, — Гу Чжао с облегчением размял плечи. — Удобно.

Быстро перекусив завтраком, они распределили дела. Гу Чжао заказал вывеску, и её нужно было забрать, но это могло подождать. Сначала — за потрохами, потом купить грубых фарфоровых мисок (на случай, если прохожий захочет поесть на месте, не имея своей посуды), и, наконец, раздобыть древесный уголь. Печь, которую они привезли из деревни, подходила

идеально: готовое тушёное мясо можно было переложить в глубокий чан и поставить на слабый огонь. Аромат, поднимающийся от котла, завлекал покупателей лучше любых криков зазывал.

— На душе всё равно беспокойно, — признался Ли Чжоучжоу, пока они собирались. — Первое дело, своя лавка... Но когда ты всё так раскладываешь по полочкам, мне становится гораздо легче.

Гу Чжао ободряюще улыбнулся:

— Не тревожься. Твоё тушёное мясо — это нечто божественное, соседи не дадут соврать. Даже если прохожие в первый день побоятся купить диковинку, весь наш котел разберут жители переулка.

Эти слова стали для Ли Чжоучжоу лучшим лекарством от страха.

Супруги заперли дом и, прихватив одолженную у соседей тележку, отправились к мяснику на западную окраину. Гу Чжао внимательно следил за дорогой: его нынешняя выносливость не шла ни в какое сравнение с той, что была в начале их совместной жизни. Теперь он шел бодро, не зная усталости, хотя путь в одну сторону занял добрых два часа.

Далековато.

За две бадьи потрохов, проданных почти даром, мясник, конечно, доставку организовывать не станет. Гу Чжао подумал, что, когда отец вернется из поездки, можно будет ездить за товаром на муле — это значительно облегчит жизнь. Но Ли Да вернется только в июле, а значит, ближайший месяц вся тяжесть ляжет на плечи Чжоучжоу. От этой мысли у Гу Чжао защемило сердце.

Хозяин Чжу сразу узнал рослого гэ'эра и его мужа. Супруги вместе толкали тележку, и хотя на Гу Чжао была старая, выцветшая одежда простолюдина, его благородное лицо и прямая осанка невольно приковывали взгляд.

Хозяин лавки украдкой взглянул на Ли Чжоучжоу.

«Насколько же бедно они живут, если такому красавцу-мужчине приходится носить обноски, а его супругу — возиться с требухой?»

Пришли они рано, покупателей было немного — пара человек забрали мясо и ушли. Гу Чжао первым шагнул вперед и, сложив руки в вежливом приветствии, радушно произнес:

— Доброго утра, хозяин! Мой супруг на днях уже брал у вас товар, а сегодня у меня в академии выходной, вот мы и пришли вместе. Позвольте поблагодарить вас за доброе отношение и

заботу.

С этими словами он отвесил глубокий, торжественный поклон.

Мясник помнил, как гэ'эр рассказывал об учащемся муже. Тогда он подумал: если в доме есть нечего и приходится торговать потрохами, какая уж тут учеба? Но, глядя на манеры стоявшего перед ним молодого человека, он понял — перед ним не очередной бездельник, кичащийся своим знанием иероглифов.

Старина Чжу на своем веку повидал немало «ученых» бедняков: в доме шаром покати, матери и супругам приходится спину гнуть на поденщине, чтобы хоть на плошку риса заработать, а они всё последнее на бумагу да тушь тратят. Ходят такие грамотеи, бормочут под нос заумные фразы, смысла которых и сами не понимают, а проку от них — ноль.

Но этот юноша был другим.

— Моя фамилия Чжу, — буркнул мясник, не привыкший к таким церемониям. — Потроха — товар копейный, цена для всех одна. Не за что тут благодарить.

Гу Чжао выпрямился, не теряя улыбки:

— Моё имя — Гу Чжао, а мой супруг — из семьи Ли. Мы живем на севере, в Гранатовом переулке, что в получасе от академии Цинпин. Днем я учусь, а мой супруг открыл лавку на нашей улице, называется «Тушёное мясо от Ли». Мы планируем брать потроха постоянно, так что еще раз спасибо, что оставляете их для нас.

В таком городе, как этот, мясник, поставляющий свинину в больших объемах, наверняка имел связи среди городских низов. Статус сюцай — лишь первая ступень на пути к власти, но это уже гораздо больше, чем положение простого простолюдина. Гу Чжао решил сразу обозначить свой статус, чтобы завязать доброе знакомство.

— Так ты, малый, еще и сюцай? — удивился Хозяин Чжу. — С виду и не скажешь. Похвально, весьма похвально.

— Сдал экзамены этой весной, теперь грызу гранит науки в академии, — Гу Чжао еще раз поклонился и добавил с лукавой искоркой в глазах: — Ваша похвала мне очень дорога, старший брат Чжу.

Дело пошло споро. Две бадьи потрохов хозяин лично погрузил на тележку, ворча при этом, что не дело это — сюцаю тяжести таскать. На что Гу Чжао спокойно ответил: семья небогатая, расходы на книги велики, и всё в доме держится на плечах его Чжоучжоу. Разве может он, будучи мужчиной, стоять в стороне, когда его супругу нужна помощь? Какая там усталость от тележки!

Мясник только крякнул, одобрительно хлопнув Гу Чжао по плечу:

— Молодец, парень.

При расчете он хотел скинуть еще пять монет, но супруги твердо настояли на прежней цене. Гу Чжао вежливо объяснил: они берут товар для дела, на котором будут зарабатывать, и Хозяин Чжу и так проявил небывалую щедрость, продав всё по столь низкой цене. Большого они принять не могут.

Когда тележка скрылась из виду, подмастерье мясника недоуменно почесал затылок:

— Учитель, сколько я здесь работаю, все только и норовят цену сбить, а чтобы кто-то отказывался платить меньше — впервые вижу.

— Глупый ты еще, — отрезал Чжу. — Чую я, дело с этими потрохами может выгореть. А вдруг и впрямь будет спрос?

Сам он, правда, в это верил слабо — сколько лет свиней резал, а так и не понял, как можно вкусно приготовить эту вонючую требуху. Однако слова Гу Чжао звучали так уверенно, будто прибыль уже текла в их карманы.

— Как освободишься, сбегай-ка на север, на Гранатовую улицу. Купи миску в лавке Ли, хочю сам попробовать, что они там наварили, — распорядился мясник.

Подмастерье кивнул, хотя про себя подумал:

«Неужто это можно есть? Деньги на ветер, да и только. Видать, сюдай совсем голову моему учителю задурил своими речами».

Пока ученик строил догадки, старый Чжу пробормотал:

— Ишь, как бойко говорит. Молодой, а уже в государственной академии числится. Большое будущее у парня. Да и какая мне разница, кому потроха отдавать? Те же десять вэней. Зато человек книжный со мной за руку здороваются, как с равным. Видал ты, чтобы другие грамотеи так просто с мясником беседовали?

Подмастерье лишь покачал головой. В его деревне даже те, кто едва знал пару сотен иероглифов, задирали нос и обходили его стороной, морщась от запаха крови.

— Вот только странно... — прищурился Чжу. — Почему лавка называется «Ли», а не по фамилии мужа?

Тележка еще не доехала до дома, когда Гу Чжао завидел у входа в переулок знакомые фигуры. Чжэн Хуэй и Янь Цзиньсинь расспрашивали прохожих.

— Это мои сокурсники из академии, — шепнул он Чжоучжоу. — Мы с ними хорошо ладим, так что не волнуйся, веди себя как обычно.

Ли Чжоучжоу кивнул.

«Если муж пригласил их в дом, значит, люди они достойные»

— Муженек, давай я повезу?

— Да я только что отдыхал, совсем не устал. Тут до дома — рукой подать, — Гу Чжао не выпустил ручки тележки.

В городе дороги были ровнее, чем в деревне, и катить груз было одно удовольствие. Супруги менялись по пути, так что силы еще остались.

Янь Цзиньсинь и Чжэн Хуэй пришли рано. Расспросив соседей, они нашли дом семьи Ли, но он оказался заперт. Чтобы не стоять под дверью, Чжэн Хуэй потащил товарища завтракать вонтонами, а прижимистый Янь Цзиньсинь, посетовав на дороговизну, купил лишь один пустой маньтоу.

Чжэн Хуэй угощать не стал — знал, что гордый друг снова начнет читать нотации.

После завтрака они узнали от соседей, что учёный Гу и его супруг с самого рассвета ушли за потрохами. Сказали, что по времени Ли-гэ'эр должен вернуться к часу Змеи.

Времени было вагон.

— Книжная лавка тут за углом, — предложил Чжэн Хуэй. — Пойдем, почитаем пока, а к сроку вернемся.

Янь Цзиньсинь охотно согласился — время на книги тратить не жалко.

К назначенному часу они отложили свитки. Сегодня их младший брат открывал лавку, и раз уж они обещали помочь, то нельзя было опаздывать.

У входа в переулок сокурсник Гу Чжао поймал соседа:

— Скажите, почтенный, Ли еще не вернулись?

— Брат Чжэн, второй брат! — окликнул их Гу Чжао сзади.

Обернувшись, друзья увидели его в простой куртке шухэ, толкающего груженую тележку. Янь Цзиньсинь, сам выходец из бедной семьи, привык к такому виду: в страду в деревне все так работают. А вот Чжэн Хуэй посмотрел на друга с нескрываемым изумлением.

«Надо же... Брат Чжао и впрямь человек широкой души. Совсем не боится косых взглядов»

Весь переулочник знал, что Гу Чжао учится в академии Цинпин, но выйти к людям в таком плебейском наряде... Сам Чжэн Хуэй на такое бы не решился, и в глубине души он снова восхитился другом. Брат Чжао был верен себе: если сказал, что ему всё равно, что о нем подумают — значит, так оно и было.

После приветствий Гу Чжао представил супруга. Ли Чжоучжоу вежливо поклонился гостям, называя их «старший брат Чжэн» и «старший брат Янь», а те в ответ почтительно обратились к нему «супруг Ли». Будь они попроще, могли бы назвать его «невесткой», но Гу Чжао сразу дал понять: называйте его «супруг Ли», так будет правильнее. Его Чжоучжоу не был хрупкой барышней.

— Я хотел сбегать за вывеской, но раз уж вы здесь, поручаю это вам, — Гу Чжао без лишних церемоний передал друзьям тележку. — А нам с Чжоучжоу нужно заняться товаром, чистка потрохов — дело долгое.

Идти по переулочку было всего ничего.

Янь Цзиньсинь кивнул и спросил, где находится лавка и как она называется. Чжэн Хуэй рассмеялся:

— Ну и хитрец ты, брат Чжао! Сразу нас в оборот взял!

— Мы же договорились, — Гу Чжао весело помахал рукой, уводя Чжоучжоу с бадьями в дом. — Первая порция из котла — ваша! Давайте, одна нога здесь, другая там. Работы еще много!

— Поняли тебя! — Чжэн Хуэй махнул в ответ. Ему нравилось, что друг не строил из себя важного господина.

Ли Чжоучжоу, открывая ворота, всё же засомневался:

— Муженек, удобно ли так? Даже в дом не пригласили, сразу делом озадачили...

— Всё в порядке, — успокоил его Гу Чжао. — Один за словом в карман не лезет, у другого душа нараспашку. Они не из тех, кто обижается на отсутствие церемоний.

Супруг Ли успокоился и принялся за дело. Две бадьи потрохов — работа не на один час. Муж немного помог, а потом вспомнил про соду... но её под рукой не оказалось. Тогда он попробовал очистить требуху мукой — и дело пошло куда быстрее, жир и слизь сходили в мгновение ока.

Вдвоем они управились на удивление быстро.

На кухне развели огонь под двумя очагами. Всё подготовили: специи, сахар, вино, имбирь, лук. Сначала потроха опустили в холодную воду с имбирем и луком, довели до кипения, чтобы убраться запах, и откинули. Теперь можно было начинать главное действие.

В разогретый котел добавили немного свиного жира и сахар. Гу Чжао помешивал, пока сахар не превратился в тягучую красную патоку. Следом отправились потроха, соевый соус, специи и вино. Вино купили самое дешевое, для готовки — в самый раз, вкус не портит. Добавили воды. Ли Чжоучжоу, привычный к тяжелому труду, ловко орудовал огромным железным черпаком. Когда вода закипела, он снял пену, накрыл котел крышкой и убавил огонь.

За хлопотами время пролетело незаметно, наступил час обеда. Очаги были заняты.

— Муженек, пора обедать, — спохватился Ли Чжоучжоу. — Сбегаю на улицу, куплю тебе вонтонов или булочек. Перекусишь пока, а то котлы долго томиться будут.

Гу Чжао притянул его к себе:

— А ты? Ты ведь тоже всё это время на ногах. Опять собрался обедать в три часа дня, когда всё будет готово?

— Ну, не так уж и поздно... — Чжоучжоу, заметив, что муж всерьез недоволен, прижался к его груди и тихо прошептал: — Я буду хорошо питаться, обещаю. Не сердись на меня.

Молодой человек нежно погладил супруга по талии:

— Да разве я могу на тебя сердиться? Просто больно видеть, как ты себя не жалеешь.

Он чуть строже добавил, решив припугнуть его:

— О ребенке-то думаешь? Если не будешь вовремя есть, сил на малыша не хватит.

Ли Чжоучжоу после их близости часто украдкой поглаживал живот, и Гу Чжао это замечал. Этот довод подействовал лучше любых уговоров. Супруг густо покраснел и послушно кивнул:

— Понял.

— Я сам схожу за едой, а ты посиди, отдохни. С утра на ногах.

Гу Чжао взял монеты и вышел. Ли Чжоучжоу сел на стул в главной комнате. Мысли его вернулись к объятиям мужа. Сегодня супруг был не таким, как обычно — в нем чувствовалась какая-то новая, спокойная властность.

«Как же мне это нравится»

Он любил мужа любим.

У выхода из переулка Гу Чжао встретил друзей с тележкой. Чжэн Хуэй, уходивший утром в щегольском синем халате, теперь выглядел весьма плачевно: рукава закатаны до локтей, одежда в пыли, но он с азартом пытался удержать тележку, а Янь Цзиньсинь невозмутимо придерживал её спереди.

— Вы что, в канаву угодили? — рассмеялся Гу Чжао.

Их не было добрый час. На одноколесной тачке даже с учетом погрузки на всё про всё должно было уйти минут сорок.

— Брат Чжэн решил, что я его недооцениваю, — пояснил Янь Цзиньсинь. — Вцепился в ручки, и мы дважды перевернулись. Слава богам, вывеска цела.

Тот, будучи выходцем из богатой семьи, хоть и видел такие тачки раньше, сам за них никогда не брался. Сначала он чинно шел рядом, пока Янь Цзиньсинь толкал груз, но потом в нем зыграло самолюбие: чем я хуже Чжао или Цзиньсиня? Я ведь старший!

И потребовал управления.

Тележка соседей Ма была одноколесной, и пока она была пустой, молодой человек справлялся неплохо. Он даже приосанился, шагая по людной улице: смотрите, я — ученый, и работа мне нипочем. Психологический барьер пал.

Но когда на тачку водрузили тяжелую дубовую вывеску, всё изменилось. Центр тяжести сместился, и сокурник, не рассчитав сил, начал вилять по дороге. Он упрямылся: до этого же ехал ровно! Значит, и сейчас смогу!

Янь Цзиньсинь, видя это, хотел забрать ручки, но тот только отмахивался. В итоге — пыль на подоле, сбитое дыхание и пара синяков. Но отступить было поздно — гордость не позволяла. Янь Цзиньсиню пришлось страховать его спереди, чтобы дело не кончилось катастрофой.

— Спасибо вам, братья, — улыбнулся Гу Чжао, делая вид, что не замечает растрепанного вида Чжэн Хуэя. — Котлы на огне, так что я сейчас сбегаю за обедом. Идемте со мной, я угощаю.

Друзья охотно согласились. Оставлять Ли Чжоучжоу одного в доме было бы неловко, так что они втроем отправились к лавкам на главной улице.

— Надо же, брат Чжэн! Оказывается, ты не только стихи писать умеешь, но и с телегой управляться! — поддразнил Гу Чжао друга. — А я-то думал, ты только в вине да луне толк знаешь, а земные заботы — не про тебя.

Чжэн Хуэй подозрительно покосился на него: не подтрунивает ли он?

Янь Цзиньсинь, чье лицо обычно было бесстрастным, даже позволил себе легкую усмешку, глядя на грязные пятна на халате сокурсника. Всё-таки этот богачей оказался не таким безнадежным, как те избалованные сынки, которых он терпеть не мог.

— Вот и наша лавка, — объявил Гу Чжао.

С утра он уже успел тут прибраться. Теперь они быстро сняли ставни. Соседи, завидев вывеску, засыпали их добрыми пожеланиями:

— Удачи в деле! Пусть торговля будет бойкой!

Прохожие с любопытством поглядывали на сокурсников. Гу Чжао с гордостью пояснял: это мои товарищи из академии, пришли подсобить. Люди тут же начинали шептаться: ишь ты, сразу видно — люди ученые, почтенные сюцаи.

Будь здесь Ли Чжоучжоу, его бы закидали вопросами: когда открытие, почем порция? Но перед важными книжниками люди робели и не решались лезть с расспросами, чтобы не гневить почтенных господ.

Помещение было небольшим, шагов двадцать. У самой улицы стоял длинный стол и один стул, рядом — место для печи и чана.

Гу Чжао с Янь Цзиньсинем занесли вывеску и прислонили её в углу — повесят после обеда. Купили вонтонов, лапши, булочек и маньтоу.

Дома Ли Чжоучжоу уже расставил приборы. Во дворе Гу Чжао зачерпнул холодной воды из

колодца, протянул друзьям новое полотенце:

— Очаги заняты, так что придется вам умыться холодной водой. Не обессудьте.

— Ох, холодная вода — это то, что нужно! — Чжэн Хуэй с наслаждением плеснул водой в лицо. В такую жару это было спасением.

В главной комнате всё уже было готово к обеду. Еда была простой, без изысков — в основном мучное, да пирожки с начинкой. Чжоучжоу смущенно извинился:

— Сегодня дел невпроворот, так что горячего не приготовил. Как-нибудь в другой раз приходите, мы накроем настоящий стол.

— Полно тебе, — отозвался Чжэн Хуэй. — Мы с братом Чжао с первого взгляда поладили, теперь мы как родные братья. Какие могут быть церемонии?

Янь Цзиньсинь лишь кратко кивнул.

Гу Чжао пригласил всех к столу. После трудового утра аппетит разыгрался нешуточный. Первым делом молодой человек положил в тарелку своего супруга пирожков со сладкими бобами — тот их просто обожал.

Друзья переглянулись.

— Ну чего вы замерли? Ешьте, братья, ешьте! — Гу Чжао весело подмигнул им, но к еде не прикоснулся, пока друзья сами не взяли по булочке.

Чжэн Хуэй вздохнул.

«Надо же, брат Чжао и в академии только и делал, что о супруге говорил, и дома — то же самое. Совсем не таится»

Сам сокурсник от голода уже готов был съесть что угодно. Лапша оказалась на диво вкусной. Янь Цзиньсинь налегал на маньтоу — они были сытнее пирожков, которыми он, при его аппетите, наестся не мог.

— Пойду на кухню, проверю котлы. Самое время убирать дрова и давать томиться, — сказал Ли Чжоучжоу.

— Я с тобой, — Гу Чжао тут же поднялся.

Стоило супругам выйти, как Чжэн Хуэй с завистью прошептал:

— Какая же у них идиллия...

Повернувшись к Янь Цзиньсиню, он спросил:

— А у тебя как с твоим супругом дела обстоят?

— Не так, как у брата Чжао, — честно признался сокурсник.

Он был беден, в годах, все мысли — о карьере и экзаменах. Найти жену не получалось, и знакомые сосватали ему гэ'эра. Жили они ни хорошо, ни плохо — ровно. Янь Цзиньсинь не был склонен к нежностям, но сегодня, глядя на Ли, в его душе шевельнулось непривычное чувство...

Впрочем, оно быстро угасло — книги он всё равно любил больше.

— Ох, какой аромат! — Чжэн Хуэй потянул носом. Густой, незнакомый запах заставил его забыть обо всём. — Цзиньсинь, чувствуешь?

— Похоже, это и есть гушёное мясо, — отозвался тот.

— Ну еще бы! Томится всё утро. Представляю, какой там вкус.

Запах становился всё сильнее. Постная лапша в тарелке Чжэн Хуэя вдруг показалась ему пресной травой. Он вытянул шею, пытаясь заглянуть во двор, совсем забыв о приличиях.

«Как же пахнет...»

Тот уже не мог усидеть на месте.

«Мы ведь с Чжао теперь как братья, к чему эти церемонии?»

— Пойду-ка я погляжу, — бросил он другу и вскочил со стула.

Янь Цзиньсинь остался сидеть, стараясь сохранять невозмутимость, но его рука с маньтоу замерла на полпути к рту.

Чжэн Хуэй подошел к дверям кухни:

— Брат Чжао, это и есть твоё тушёное мясо? Можно нам хоть кусочек попробовать? Я там в комнате уже с ума схожу от этого запаха!

Гу Чжао вынес миску с уже нарезанными потрохами:

— Мы же договорились: первая проба — за помощниками. Идемте к столу.

Ли Чжоучжоу, вытирая руки, тоже вышел из кухни:

— Вы уж не смейтесь над нами. Я сам такой аромат впервые чувствую. Муженек придумал, что если еще немного в соусе подержать, будет еще вкуснее.

В комнате сокурсник заметил, что Янь Цзиньсинь сидит прямо, как натянутая струна.

«Ишь, какую выдержку строит»

Но, заметив, что тот так и не откусил от маньтоу, Чжэн Хуэй невольно усмехнулся.

Янь Цзиньсинь понял, над чем смеется друг. Он хотел было сказать, что не дело это — есть без хозяев, но слова застряли в горле. Он и сам был покорен этим запахом.

«Где же моя твердость духа? Неужели благородный муж может поддаться искушению едой?»

— Скорее пробуйте! С маньтоу или лапшой — просто объедение, — Гу Чжао сам положил каждому в миску по доброй порции. — Не бойтесь, всё вымыто до блеска, никакого неприятного запаха. Лично я считаю, что это лучшее, что я ел.

Янь Цзиньсинь, не дослушав свои поучительные мысли, взялся за палочки.

— О-о-о! — Чжэн Хуэй зажмурился от удовольствия. — Божественно!

— Соус такой насыщенный, а вкус... И жуется так приятно, с упругостью, — он не мог перестать нахваливать. — Брат Цзиньсинь, ну скажи же!

— Очень хорошо, — кратко ответил Янь Цзиньсинь.

Простой маньтоу вдруг стал изысканным лакомством.

После обеда они немного отдохнули и принялись за вывеску. Чжэн Хуэй был самым активным:

— С таким вкусом мы всё продадим в мгновение ока! Вот увидите!

— Твои бы слова — да богам в уши, — улыбнулся Ли Чжоучжоу.

Вывеску водрузили на место — «Тушёное мясо от Ли». Четыре иероглифа написал сам Гу Чжао. Каллиграфом он не был, но писал твердо и аккуратно. Среди троих друзей лучший почерк был у Чжэн Хуэя — его рука была легкой и изящной.

Другие двое писали попроще. В детстве сокурсник Чжао учился у хорошего мастера в частной школе, его уровень был на голову выше того, чему учили деревенские наставники.

Но для Ли Чжоучжоу эта вывеска была краше всех сокровищ мира.

Сначала он хотел назвать лавку «Потроха от Гу», ведь это муж всё придумал. Но Гу Чжао наотрез отказался: бизнес ведешь ты, Чжоучжоу, так что пусть будет «Ли». И звучит красивее.

«Что в моей фамилии красивого?» — хотел было возразить супруг, но муж заставил его замолчать нежным поцелуем.

Так и появилась «Тушёное мясо от Ли». Название правильное, ведь со временем можно будет тушить не только потроха, но и овощи, птицу, да что угодно.

Бабах! Хлопушки оглушительно взорвались, рассыпаясь искрами. Прохожие на улице стали останавливаться, привлеченные шумом.

— Гляди, лавка открылась! Что там продают?

— «Тушёное мясо от Ли»... А что это за блюдо такое?

— Первый раз слышу. Пойдем, поглядим.

Ли Чжоучжоу даже не пришлось зазывать народ. Соседи, уже знавшие вкус, обступили прилавок первыми. Вчера Ли угостил двадцать домов в переулке, и те, кто не наелся, только и ждали открытия. Даже если семь монет казалось дороговато, сегодня решили — побалуем себя, а там видно будет.

Вчера этот вкус им даже снился.

Муж госпожи Чжоу, который утром ворчал про требуху за десять вэней, едва услышал взрыв хлопушек, бросил работу в мастерской и, даже не вытерев рук, сунул жене пустую миску:

— Там Ли открылись! Беги скорее, купи порцию, пока всё не разобрали!

Госпожа Чжоу только рассмеялась: а кто говорил, что это того не стоит? Впрочем, деньги взяла и поспешила к выходу:

— Пригляди за лавкой пока!

Ей и самой этот вкус не давал покоя. И дочери ждали — даже тихая Эрнян с утра спрашивала, когда же откроются соседи.

Случайные прохожие пока только присматривались. Услышав от местных, что продают свиную требуху, многие морщились:

— Фу, потроха... Гадость же вонючая, зачем её есть?

Одни уходили сразу, другие брезгливо кривились. Но когда люди стали подходить с собственными мисками, а по улице поплыл такой аромат, что слюнки текли сами собой, зеваки призадумались.

Странное дело.

— Супруг Ли, почему порция?

— Мне одну миску! Муж с утра только о твоих потрохах и говорит, вчера всё мало было.

— И мне! Две порции, у нас семья большая. Вчера дети вмиг всё умяли, я и распробовать не успела!

Ли Чжоучжоу с улыбкой отвечал каждому:

— Семь монет за черпак!

Госпожа Чжоу прикинула в уме: дешево-то как! Я думала — меньше восьми-девяти не попросит.

Так же подумали и остальные соседи. Те, кто планировал взять на пробу одну порцию, услышав цену, тут же просили две.

Ли Чжоучжоу накладывал от души. Его рука не дрожала, он зачерпывал полную ложку, и порция в мисках покупателей выглядела внушительно.

— Ох, малый, ну и щедрая же у тебя душа! — качала головой старушка из переулка. — Смотри, так и в убыток уйти недолго.

Гу Чжао тем временем принимал плату: семь монет, четырнадцать, двадцать одна...

Первый котел разошелся в мгновение ока — его раскупили свои же соседи. Прохожие, видевшие такой ажиотаж, заволновались: неужто и впрямь так вкусно?

— Брат Чжэн, второй брат, присмотрите за кассой, я принесу второй котел, — попросил Гу Чжао.

— Я сам принесу, — отозвался Янь Цзиньсинь.

Прохожий, из тех, что долго присматривался, не выдержал:

— У меня своей миски нет, можно здесь поесть?

— Можно, — ответил Гу Чжао. — У нас есть свои миски. Можете поесть здесь или забрать с собой, только верните потом посуду.

— Хорошо. Я живу тут рядом, в переулке Колодцевой воды, фамилия моя Чжао.

Принесли второй котел.

Тот самый Чжао взял порцию. Увидев аппетитный, глянцево-красный цвет, он не удержался и тут же отправил кусочек в рот. Едва вкус коснулся языка, он замер.

— Простите... Дайте мне еще черпак!

На западной окраине Хозяин Чжу после обеда скучал — покупателей было мало. Он лениво грыз арахис, а подмастерье чистил прилавок и точил ножи.

Вдруг мясник вспомнил, что что-то забыл.

— Послушай, я тебе утром ничего не поручал?

— Да нет, учитель... Я и посуду помыл, и ножи наточил.

— Не то это, — Чжу хлопнул парня по плечу. — Думай давай.

У мясника ладонь — как лопата, подмастерье аж присел.

— Ой, вспомнил! Вы велели мне сходить на север, в лавку Ли за потрохами.

— Вот-вот, — Хозяин Чжу полез в ящик и достал десять монет. — На, купи. Если сдача будет — купи себе чего сладкого.

Мальчишка, радостный, что перепадет на сладости, припустил во всю прыть.

Добежав до севера и расспросив дорогу, он нашел Гранатовую улицу. Глядит — а у одной лавки народу — не пропихнуться! Он решил сначала дело сделать, а потом уже на толпу глазеть. Зашел в соседнюю лавку:

— Дяденька, доброго здоровья! Не подскажите, тут семья Ли сегодня лавку открыла...

— «Гушёное мясо от Ли»-то? Да вон они, где толпа. Только ты опоздал, малый. Всё продали уже.

Подмастерье замер:

— Как это — продали?

Ли Чжоучжоу с его мужем только в десять утра у него в лавке были. Пока дошли, пока вымыли, пока сварили...

— И когда же они открылись?

— Да полчаса назад, не больше. Разлетелось всё! Вкус — закачаешься. Вон, видишь, люди стоят? Это те, кому не досталось, — лавочник довольно погладил живот, он-то успел ухватить две порции из первого котла.

Мальчишка стоял, разинув рот. Эти вонючие потроха — и так быстро раскупили?

Он решил сам проверить, не шутит ли торговец. Протиснулся к лавке Ли и услышал гул голосов:

— А завтра когда откроетесь?

— Можно я сейчас деньги отдам за две порции, а вы мне завтра оставите?

— И мне! Запишите меня, я заплачу вперед!

Это был тот самый Чжао из переулка Колодцевой воды. Идти ему было минут десять, но он так расстроился, что не успел на добавку, что готов был бежать за порцией на край света.

Гу Чжао, конечно, предоплату не брал. Он знал: это лишняя нагрузка на супруга. После тяжелого дня еще и помнить, кто сколько заказал — только лишние хлопоты и повод для ссор в очереди.

— Спасибо всем за доверие к нашей лавке, — звучно произнес Гу Чжао. — Приготовление тушёного мяса — дело долгое и трудное. Мой супруг трудится не покладая рук, но мы можем выдать только два котла в день. Больше просто не успеваем. Так что приходите завтра пораньше!

Подмастерье мясника слушал это всё в полном оцепенении.

Неужели требуха и впрямь такая вкусная?

<http://bllate.org/book/15349/1428528>